

ВАЛЕРИЙ М. МОКИЕНКО

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

ОБРАЗ РОССИИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

В предисловии к своему оригинальному *Словарю русской ментальности* профессор Владимир В. Колесов подчёркивает, что его книга принципиально отличается от других «идеологических» и идеографических словарей. В этом словаре «представлены интроспективные характеристики русского слова, идущие от обобщения русской рефлексии о коренном слове литературного (по преимуществу) русского языка»¹. Принцип интроспекции предполагает демонстрацию отношения русского человека к реалиям окружающей его жизни — реалиям не только исторически объективно обусловленным, но и реалиям субъективным, навеянным традиционными стереотипами. Естественно поэтому, что в таком словаре одним из коренных слов стало и собственное имя *Россия*, определяемое как «русская держава эпохи развитой нации в единстве народов и общности территории»².

После лапидарной, в несколько строчек, справки о том, как древнерусский топоним *Русь* был заменен в 1493 г. на старорусское *Русия*, а в 1517 г. в качестве соответствия греческому *Ρωσσία* — на *Россия*, получившем распространение в 1553 г. при Иване Грозном, составители переходят к собственно интроспективному описанию³. Оно опирается на мнения известных русских писателей, поэтов, философов и историков.

Любопытна сама последовательность интроспективных ассоциаций, описываемых в этом инновативном словаре.

Россия — одна из загадок Сфинкса (Федор Достоевский), она имеет собственное призвание как объединителя разных народов

¹ В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов, *Словарь русской ментальности*: в 2-х т., Златоуст, Санкт-Петербург 2014, с. 1, 3.

² Там же, т. 2, с. 185.

³ Там же, с. 185–186.

(Георгий Федотов) и особую «живую душу» с единым соборным самосознанием (Антон Карташев). Она подобна огромному дереву, «растущему по своей внутренней силе независимо от внешних содействий» (Василий Ключевский) и потому Европа видит в России нечто ей чуждое (Николай Данилевский). «Россия решительно осуждается за всё, в чём она не похожа на Запад» (Александр Солженицын). Россию можно воспринимать лишь сердцем и, любя ее неповторимое своеобразие, верить в нее (Иван Ильин), в ее «бездонную душу» (Михаил Волконский). Такая вера, правда, — некий императив, ибо «мы же в России живем и по необходимости должны мерить жизнь свою русскою моралью» (Михаил Пришвин)⁴, поскольку сначала «идея» — потом «Россия», причем идея — имперская (Лев Аннинский), а Россия — вечная монархия (Дмитрий Галковский).

Некоторые авторы эту идею выражают даже причудливыми глобальными мифологемами: «Россия — это опорная колонна земного шара, это материк особого свойства, это и вечно живой кит, на котором покоится в пучине бездны мать-сыра земля» (Владимир Личутин)⁵; «Россия — это хрящ, выросший от трения Запада о Восток» (Лев Гумилев)⁶. Ещё более проникновенны и дихотомичны характеристики России поэтами:

Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь чёрной кровью,
Она глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью.

Александр Блок

Кто ты, Россия? Мираж? Наважденье?
Была ли ты? есть? или нет?
Омут... стремнина... головокруженье...
Бездна... безумие... бред...
Взвивается стяг победный...
Что в том, Россия, тебе?
Пребудь смиренной и бедной
— Верной своей судьбе...

⁴ М.М. Пришвин, *Дневники 1905–1954 гг.*, <http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevnik/1905-1954-8tom1986/1922.htm> (23.05.2016).

⁵ Цит. по: И. Левяш, *Глобальный мир и геополитика. Культурно-цивилизационное измерение*, кн. 2, http://bookz.ru/authors/il_a-leva6/global_n_927/page-2-global_n_927.html (23.05.2016).

⁶ См.: Л.А. Аннинский, *Русские и нерусские*, http://bookz.ru/authors/lev-anninskii/russkie-_976/1-russkie-_976.html (23.05.2016).

ОБРАЗ РОССИИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Сильна ты нездешней мерой
Нездешней страстью чиста,
Неутолённой верой
Твои запеклися уста.

Максимилиан Волошин

Приводя столь разные оценки России художниками слова и отечественными мыслителями, Владимир В. Колесов и его соавторы (Дарья В. Колесова и Александр А. Харитонов) справедливо воздерживаются от собственных интерпретаций. Их цель — показать мозаику стереотипных представлений о России, укоренявшихся на протяжении веков. И хотя субъективность и относительность таких представлений легко доказуема, несомненно одно: они влияли и влияют на русскую ментальность.

Попробуем показать это и на материале завершённого нами, но пока не опубликованного словаря *Фразеологизмы в русской поэзии*⁷, цель которого — показать функционирование и творческую трансформацию русской идиоматики в поэтических текстах. Интересующий нас концепт *Россия* не был объектом нашего специального словарного описания, но имплицитно он животворит многие тексты, вызывая художественную реакцию как в духе стереотипов, выявленных в словаре Колесова, так и в духе трезвого скепсиса и даже иронии по отношению к таким стереотипам.

Рассмотрим отражённую в поэтических контекстах нашего словаря «ментальную картину мира» представлений о России в последовательности, близкой к вышеописанной в *Словаре русской ментальности*.

1. РОССИЯ — ЗАГАДКА СФИНКСА, ЕЁ НЕПОСТИЖИМОСТЬ И ИЗБРАННОСТЬ СВЫШЕ

Это представление четко и неоднозначно выражено в многократно цитируемом стихотворении Фёдора Тютчева *Умом Россию не понять...*

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:

⁷ А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, *Словарь «Фразеология в русской поэзии XIX–XXI вв.»*, Кострома 2016 (в печати).

У ней особенная статья —
В Россию можно только верить.

Тем не менее, в пандан к этому популярному стереотипу современные поэты иронически предлагают и иной подход:

Давно пора, ядрёна мать
Умом Россию понимать...

Игорь Губерман, *Гарики на каждый день*

И этот стереотип во многом воспроизводится и укореняется в классической литературе. Он, например, выражен и в поэзии Тютчева, не только отметившего непостижимость понимания России умом, но и её невиданное мировое значение:

О край родной! — такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней...
Велико, знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей!

Фёдор Тютчев, *Ужасный сон отяготел над нами...*

Вторят этому стереотипу и современные поэты, хотя уже в несколько ином, более разговорном стилистическом ключе:

Гоняет старость и усталость
Бах, заиграв на клавишине.
Такие чудеса остались
Лишь в решете и лишь в России.

Владимир Корнилов, *Музыка*

А тот же Игорь Губерман в своих «Гариках» уже саркастически покушается на высокий идеал избранности России, воспользовавшись при этом известными крылатыми словами Александра С. Пушкина о несовместимости гения и злодейства:

В двадцатом удивительном
столетии,
польстившись на избранничества
стимул,
Россия показала всей планете,
Что гений и злодейство
совместимы.

Игорь Губерман. *Гарики на каждый день*

Идеал избранности естественно связан с идеей христианского мученичества, обеспечивающего искупление греховности всего

ОБРАЗ РОССИИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

человечества. И этот стереотип красной нитью проходит через поэтические тексты русских поэтов:

Чашу страданий испивши до дна,
пальцем не двигая,
вижу: стоит над Россией одна
самая тихая.

Борис Чичибабин, *Церковь в Коломенском*

Речь в этом стихотворении идёт, правда, о православной церкви в Коломенском, пострадавшей в период тотального атеизма, но символически, как видим, именно она и отождествляется со страдотерпицей Россией. Не случайно Губерман эксплицирует этот мотив, уже прямо сопоставляя Россию с распятым Иисусом:

Назначенная чашу в срок испить,
Россия — всем в урок и беспокойство —
распята, как Христос, чтоб искупить
всеобщий смертный грех переустройства.

Игорь Губерман, *Гарики на каждый день*

2. РОССИЯ — РОДИНА (АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ)

Амбивалентность оценки России в творчестве русских поэтов имеет давнюю традицию. Она ярко выражена всего одной фразой в хрестоматийном стихотворении Михаила Ю. Лермонтова:

Люблю Россию я, но странною любовью:
Не победит ее рассудок мой...

В этой двойственности эмоционального и рационального отношения к своей родине кроется устойчивый потенциал поэтического ее восприятия. Оппозиция «Своя» — но «Чужая» подчеркивается даже аллюзиями на нерусскую родословную Пушкина, который почитается на Руси как «наше всё».

Собственно, эту оппозицию наваял сам поэт в *Евгении Онегине*:

Пора покинуть скучный брег
Мне неприязненной стихии,
И средь полуденных зыбей,

Под небом Африки моей,
Вздыхать о сумрачной России...

И она проходит лейтмотивом через стихи поэтов разного времени:

Черного не перекрасить
В белого — неисправим!
Недурен российский классик,
Небо Африки — своим
Звавший...

Марина Цветаева, *Стихи к Пушкину*

Взяв, всем россиянам носы
Утер, и наставил, — от внука —
то негрского — свет на Руси!

Марина Цветаева, *Петр и Пушкин*

Яростный российский соловей.
По ночам мечтающий о дальней.
О громадной Африке своей.

Борис Корнилов, *Пушкин в Кишиневе*

Как умер он в бою
За сумрачную,
За свою Россию,
Так и умру за Африку мою.

Борис Корнилов, *Родная, не зови...*

Эта оппозиция может эксплицироваться даже до идеи отчуждения поэта от России, едва ли не полного отдаления от нее, хотя и при этом она остается Родиной, пусть и «Родиной—чужбиной»:

Россия, родина моя!
Но и с Калужского холма
Мне открывалася она —
Даль, — тридевятая земля!
Чужбина, родина моя!

Марина Цветаева, *Родина*

Такое отчуждение может достигать крайнего предела — отчаянного поэтического (и антипатриотического) призыва к полному исчезновению родины:

Туда, где смертей и болезней
лихая прошла колея,

ОБРАЗ РОССИИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Исчезни в пространство, исчезни,
Россия, Россия моя!

Андрей Белый, *Отчаяние*

Но и при отчуждении, боли, страдании и даже смерти у поэтов не умирает желание и более того — обетование вернуться на Родину, которая представляется в таком случае Вифлеемом, куда ведет путеводная звезда:

Да, ночные пути, роковые,
Развели нас и вновь свели,
И опять мы к тебе, Россия,
Добрели из чужой земли.

Крест и насыпь могилы братской,
Вот где ты теперь, тишина!
Лишь щемящей песни солдатской
Издали несется волна.

А вблизи — всё пусто и немо,
В смертном сне — враги и друзья.
И горит звезда Вифлеема
Так светло, как любовь моя.

Александр Блок, *Я не предал белое знамя...*

Вторит этому и знаменитое обетование Иосифа Бродского:

Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.
На Васильевский остров
я приду умирать...
.....
И увижу две жизни
далеко за рекой,
к равнодушной отчизне
прижимаясь щекой,
— словно девочки-сестры
из непрожитых лет,
выбегая на остров,
машут мальчику вслед.

Ностальгическая амбивалентная любовь к России граничит с болью — болью как за Родину, так и от нее. И это прямо выражается стихотворными строками:

Там, где впрямь у дороги непройденной
на ветру моя юность дрожит,

где-то близко холодная Родина
за Финляндским вокзалом лежит,
и смотрю я в пространства окрестные,
напряженный до боли уже,
словно эти весы неизвестные
у кого-то не только в душе.

Иосиф Бродский, *За церквами, садами, театрами...*

[Кирпичников:] Стой, атаман, довольно
Об ветер язык чесать.
За Россию нам, конечно, больно,
Оттого что нам Россия — мать.

Сергей Есенин, *Пугачев*

Болезненная ностальгия перерастает еще в одну оппозицию — «Родина и Народ». Эти слова одного корня наполняются в поэтических текстах особой болью — болью и за страдания народа, и за его пассивность. Пушкинское «Народ безмолствует...» как нельзя более характеризует эту оппозицию. Она может быть и легким укором поэта за то, что народ неадекватно оценивает и воспринимает его творчество, но и — суровым обвинением, выраженным вульгаризмами, за его непростительное безмолвие:

Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени-Россия —
Я известный, признанный поэт.

Сергей Есенин, *Никогда я не был на Босфоре...*

Ты слег, о чуде не моля,
за все свершенное в ответе...
О, есть ли где-нибудь на свете
Россия — родина моя?

И если жив ещё народ,
то почему его не слышно
и почему *во лжи облыжной*
молчит, дерьма набравши в рот?

Ведь одного его любя,
превыше всяких мер и правил,
ты в рифмы Теркина оправил,
как сердце вынул из себя.

Борис Чичибабин, *Памяти А. Твардовского*

ОБРАЗ РОССИИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Иногда же укоризна в адрес собственного талантливой и трудолюбивой, но безмолвного народа выражается в виде риторического вопроса, завернутого в фольклорную упаковку:

Почему народ России,
Отличающийся силой,
Проявляющий сноровку,
Вдруг придумал поговорку:
«Дураков работа любит»?

Николай Глазков, *Почему народ России...*

Клубок отмеченных оппозиций в восприятии поэтами России-Родины может стать и объектом сатирического обобщения, помеченного «поэтикой низменного»⁸:

Перо и глаз держа в союзе,
я не напрасно хлеб свой ем:
Россия — гордиев санузел
острейших нынешних проблем.

Игорь Губерман, *Гарики на каждый день*

И эти проблемы во многом имплицитно давно уже были зафиксированы поэтами в виде отмеченных здесь оппозиций.

3. РОССИЯ И ЗАПАД

Взаимоотношения России с Западом — предмет постоянных исследований историков, политологов, философов и экономистов. И тем не менее в ментальности русских продолжает сохраняться стереотип, навеянный литературными реминисценциями. Он, как видим, запечатлен и *Словарём русской ментальности* Колесова. Запечатленности этого стереотипа немало способствовали и хрестоматийные крылатые слова Пушкина из *Медного всадника* — о том, что Петр Первый «в Европу прорубил окно». И хотя сам поэт в эпиграфе к своей поэме подчёркивает, что «оконная» метафора восходит к *Письмам о России* итальянского писателя Альгаротти (1712–1764): «Petersburg est la fenêtrе par laquelle la Russie regarde continuellement l'Europe» («Петербург — окно, через которое Россия постоянно глядит

⁸ См.: В.В. Химик, *Поэтика низкого, или Просторечие как культурологический феномен*, Филологический факультет СПбГУ, Санкт-Петербург 2000.

в Европу»)⁹, она, как и стихотворение *Клеветникам России*, надолго оказалась функциональным ментальным мерилем отношений России и Запада. Ведь чтобы приблизить Россию к Европе Петру Великому пришлось «прорубать» окно к западному свету, т.е. в какой-то степени проламывать Европейскую стену, которая метафорически сопоставима с Великой Китайской стеной.

С другой стороны, пролом окна в Европу и освоение немалой части её культурного наследия не стёрло в русской ментальности оппозиции «Россия–Запад». «Россия мыслящая», европейская постоянно подвергается опасности варваризации носителей псевдокультуры:

Россия мыслящая, — прячь
от щупальц варваров свой мозг,
перечеркни, переиначь
псевдокультуры пышный лоск!

Александр Аргутинский-Долгорукий, *Вторжение*

Притяжение же и приближение к Западу чревато подозрениями в предательстве Родины и даже изгнанием из нее:

Вокруг меня кликуши голосили:
«В Париж мотает, словно мы в Тюмень, —
Пора такого выгнать из России!
Давно пора, — видать, начальству лень».

Владимир Высоцкий,
Мой чёрный человек в костюме сером!...

Разумеется, географические горизонты России не ограничиваются оппозицией Восток–Запад. Вот несколько поэтических реминисценций о другом, южном векторе, который, правда, содержит в себе и некоторую «ориенталинку»:

По России от края до края
Все скворечники смотрят на юг!

Владимир Солоухин, *О скворцах*

⁹ В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова, *Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка*: ок. 5000 ед.: в 2-х т., МаГУ, Магнитогорск, Ernst-Moritz-Arndt-Universität, Greifswald 2008–2009, т. 1, с. 153; W. Chlebda, V.M. Mokienko, S.G. Szuleżkova, *Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów*, Oficyna Wydawnicza Leksem, Łask 2003, s. 358–359.

ОБРАЗ РОССИИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

На юге — бархатный сезон,
У нас в России — бабье лето.

Константин Ваншенкин, *Заметно выцвел небосвод...*

Впрочем, далеко не все поэты придерживаются оппозиции Запада и Востока в духе Джозефа Редьярда Киплинга и даже весьма определённо устанавливают между ними диалектическое равновесие:

Два сына земли — ни с места! — лицом к лицу.
О, Запад, есть Запад. Восток есть Восток,
они не сомкнутся нигде,
Пока души не вывернет, как потроха Всевышний
на Страшном суде.
Но Запада нет! И Востока нет! И нам этот блеф
не к лицу.
Когда с доблестью доблесть, два сына земли —
ни с места! — лицом к лицу!

Фазиль Искандер, *Баллада о западе и востоке*

4. РОССИЯ И ВЛАСТЬ

Взаимодействие России с ее народом, как мы видели, уже давно стало объектом амбивалентной поэтической характеристики. И эта характеристика более негативна, чем позитивна. Такой оценочный крен во многом коренится в отношении народа к власти, определяемом либо недоверием, либо страхом, либо — в отношении власти к народу, определяемом стремлении ставить интересы государства (resp. империи) выше жизненных интересов отдельного человека. Эта дихотомия, прозвучавшая набатом в пушкинском *Медном всаднике*, стала постоянным отголоском позднейшей русской поэзии — как в царское время, так и в советское. Власть светская, власть православная в совокупности с народобезвластием — вот три кита, обеспечивающие несвободу личности:

В старину, как старина выражалася,
Россия на трех китах держалася:
На православии,
На самодержавии,
На народности, —
На трех китах известной непригодности!
Но были ещё три кита,

Угнетавшие пролетариат и крестьянство:
Кит — рабство, кит — темнота
И — пьянство.

Демьян Бедный, *Долбанем*

Неподчинение этой триаде наказуемо. Вот почему одним из проходных символов несвободы, оплакиваемой русскими поэтами, становятся тюрьма, острог, полиция, ссылка и тому подобные «концепты»:

Российская империя — тюрьма,
но за границей та же кутерьма.
Увы, свободы нет ни здесь, ни там.
Куда же плыть? Не знаю,
капитан.

Андрей Вознесенский,
Предсмертная песнь Резанова

Всё заметней агония речи,
словно глаз дорогих воровство.
Это хуже окошной картечи.
Опозоренным гибнет родство.
... Этой кровью, что Бога убили,
этой болью от зверской сумы —
пострашнее французских Бастилий,
безотрадней российской тюрьмы.

Александр Аргутинский-Долгорукий, *Родная речь*

Тянет железом, картофельной гнилью,
Лагерной пылью и солью камсы.
Где твое имечко, где твои крылья?
Вий над Россией топорщит усы.

Кто ты теперь? Ни креста, ни помина,
Хлюпает плот на глубокой реке,
Черное небо и мятая глина
Непропеченной лепешки в руке.

Он говорит: подымите мне веки! —
Слободы метит железным перстом,
Ржавую землю и ольхи-калеки
Метит и морит великим постом.

Арсений Тарковский,
Тянет железом, картофельной гнилью...

Тюрьма, Вий лагерной власти и полицейский произвол имеют свою цель — ограничение свободы личности, свободы слова и свободы действий:

ОБРАЗ РОССИИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Почему должно быть грустно,
Если рот хотят зажать?
Пусть грустят в России трусы,
Кого не за что сажать.
Рот пророческий, зажатый
Полицейским кулаком, —
Самый слышимый глашатай
На России испокон.

Евгений Евтушенко, *Казанский университет*

Отсюда — и мотивы безысходности, «острожной тоски», охватывающей лирического героя, особенно во времена Безвременья:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!..

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

Александр Блок, *Россия*

И нас хотя расстрелы не косили,
Но жили мы, поднять не смея глаз, —
Мы тоже дети страшных лет России,
Безвременье вливало водку в нас.

Владимир Высоцкий, *Я никогда не верил в миражи*

Преодолеть такую безысходность может помочь лишь классическое русское долготерпенье, давно уже печально воспетое русскими поэтами:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!
Не поймет и не заметит

Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

Федор Тютчев, *Эти бедные селенья...*

И в самые суровые периоды именно долготерпенье и «осознанная необходимость» быть верным сыном или дочерью России дают силы преодолеть безысходность:

Была не дочь России,
Опустила руки бы давно,
Опустила руки
В сорок первом.

Юлия Друнина, *И откуда вдруг берутся силы...*

А когда долготерпение лопаается, оппозиция «Россия [народная]–Власть» кончается катаклизмом, социальным взрывом — «бунтом бессмысленным и беспощадным» (Пушкин):

Из тех же недр, откуда Пугачёв, —
Рыжебородый с оморшным взглядом
Идёт Распутин в государев дом,
Чтоб честь двора, и церкви, и царицы
В грязь затоптать мужицким сапогом
И до низов ославить власть царёву.

Максимилиан Волошин, *Россия*

Мы любили вас, все же любили,
Хоть от худшего не удержали —
Да и в силах ли были? Такие
Бури, смерчи и медные трубы
После нас погуляли в России...

Дмитрий Быков, *Мне не жалко двадцатого века...*

И снова к этой «катаклизматической» теме подключаются поэты с иронической подоплекой, предсказания которых не предвещают России ничего хорошего:

Злая смута у России впереди:
Все изъято, исковеркано, разрыто,
И толпятся удрученные вожди
У гигантского разбитого корыта.

Игорь Губерман, *Иерусалимский дневник*

ОБРАЗ РОССИИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Зима не переходит сразу в лето,
на реках ледоход весной неистов,
и рушатся мосты, и помнить это
полезно для российских оптимистов.

Игорь Губерман, *Гарики на каждый день*

5. РОССИЯ И БУДУЩЕЕ

Казалось бы, что при такой в целом драматической, если не сказать трагической тональности поэтических реминисценций о России следует ожидать утраты веру в ту Родину, где свобода волеизъявления ущемляется, а жизнь то и дело омрачается периодами Безвременья. Однако, такие ожидания опровергают сами поэты, признающиеся в любви к своей Родине. Их любовь неизменно магнетизируется Верой в свою Россию, а вера рождает Надежду. Надежду на её будущее, достойное народа, генетически объединившего Европу и Азию. Примечательно, что эту тенденцию метко обнаружил десятилетие назад Войцех Хлебда на основе скрупулезного анализа драматических контекстов прессы одного из самых драматических Безвремений России — «лихих 90-х» прошлого века. Польский лингвист так и назвал свою книгу *Fatum i nadzieja*¹⁰. И действительно: при всей фатальности исторических поворотов государства Российского оно вновь и вновь возрождается. Возрождается, заплатив искупительные жертвы очередному катаклизму и мировым угрозам. Так, как совершенно неожиданно для тотально атеистического советского народа была всего за два десятилетия возрождена православная вера. Возрождена, как это ни парадоксально, при сохранении (а может быть, и умножении) греховности:

Мне молодость прошедшая приснится,
Забывтым зноем губы опала.
Я выпущу из рук своих синицу,
Пусть догоняет в небе журавля.

Пусть поглядят они из облаков,
Как даль земная в сизой дымке тает.
Все больше над Россией куполов,
А вот грехов, увы, не убывает.

Валерий Фокин, *В росе Россия*

¹⁰ W. Chlebda, *Fatum i nadzieja. Szkice do obrazu samoświadomości językowej dzisiejszych Rosjan*, Uniwersytet Opolski, Opole 1995.

Естественно, что и здесь истоки поэтической надежды и веры в будущее России восходят к классике. К знакомому всем со школьной скамьи пушкинскому стихотворению, написанному в Крыму и обращенному к другу-декабристу (1824):

Товарищ, верь: взойдет она,
Заря пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Александр Пушкин,
Чаадаеву. С морского берега Тавриды

Пушкину прямо вторят многие поэты, уверовавшие в будущее России и в разрушение самовластья:

Потом пришла пора иная:
Россия встала ото сна,
Литература молодая
Ей оставалась верна, —
Добру, отчизне, мыслям чистым
Служил писателя талант,
И перед смелым публицистом
Краснел ненужный дилетант!

Алексей Апухтин, *Дилетант*

Но знаю, что настанет дата —
К нам приближается она:
Как было сказано когда-то,
Россия вспрянет ото сна.
И, если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
Россия вновь могучей станет —
Не надо милостыни ей!

Александр Штержан.
Нищая. Подражание Пьер-Жану де Беранже

И даже отдаляясь от Родины в мечтах или в реальности, поэт не оставляет желания вернуться домой — разумеется, в надежде увидеть Россию, воспрявшую наконец-то ото сна:

И в следующий раз я жить хочу в России.
Но будет век другой и времена другие,
Париж увижу я, смогу увидеть Рим
И к невским берегам вернуться дорогим.

Александр Кушнер,
И в следующий раз я жить хочу в России...

ОБРАЗ РОССИИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Разумеется, не все поэты одинаковы. Находятся и Фомы Неверующие, которые не верят в такое пробуждение и потому приправляют пушкинскую фразу ядом иронии. Таков «гарик» Губермана, где пробуждение России оксюморонно характеризуется фольклорной «формулой невозможного»¹¹.

Играть в хоккей бежит слепой,
покрылась вишнями сосна,
поплыл карась на водопой,
Россия вспряла ото сна.

Игорь Губерман, *Второй иерусалимский дневник*

Ничего не скажешь: и здесь — семантическая оппозиция при единстве противоположного и невозможно возможного...

6. РОССИЯ: ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Перебирая поэтические аллюзии о России, не следует, разумеется, к ним относиться как к слепок с реальной жизни нашей страны. Здесь, как мы видели, немало субъективного, отраженного в зрачках поэта, взглядывающегося в окружающую его российскую действительность, но при этом и обращающего этот взгляд и в себя самого, в «жизни мышью беготню». Истинную оценку России и ее судеб, конечно же, должны давать экономисты, политики, историки и все, кто призван ставить диагноз стране и её обществу. Но и поэтическое видение России не лишено «объективной субъективности». За ним — судьбы её жителей, вера и безверие, безысходность и надежды на светлое будущее. Весь этот комплекс поэтических мироощущений России так или иначе ретроспективно связан с её восприятием Пушкиным. Это ретроспективное обращение к нашему поэту и есть, в сущности, *Fatum i nadzeje* русских поэтов, их читателей и почитателей как в прошлом, и в настоящем.

День шестой, отзванивали пущи,
падал дождь в туманное стекло.
Рождество — России явлен Пушкин.
Был июнь: беспечно и светло.

¹¹ П.Г. Богатырев, *Формула невозможного в славянском фольклоре // Славянский филологический сборник*, Башкирский государственный университет, Уфа 1962, с. 347–363.

И еще, казалось, очень долго
Будет путь и так еще далёк
Чёрной речки чёрный мартиролог,
и Дантес, взводящий свой курок.
[...]
Неуменьше быть самим собою —
неизбежность говорить с колен.
Он не раб. Бывает и такое.
Он — предтеча высших перемен!

Александр Аргутинский-Долгорукий, *Рождество*

День шестой в Библии, как известно, — день, когда Бог сказал: «Да произведет земля душу живую по роду ее [...] сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему» (Бытие 1, 24–26). Современный русский поэт придает этому дню и конкретно русскую магическую символику — богоявленность Пушкина — «предтечи высших перемен». В ожидании этих перемен и живут многая лета поэты России, уверовавшие в Слово.

Valerij M. Mokienko

OBRAZ ROSJI W POEZJI ROSYJSKIEJ

Streszczenie

Artykuł prezentuje analizę konotacyjnego potencjału postrzegania Rosji odzwierciedlonego we współczesnej poezji rosyjskiej. Częściowo są to stereotypowe patriotyczne lub pseudopatriotyczne wyobrażenia, jak również i niektóre konotacje charakterystyczne głównie dla poetyckiego słowa. Szczególną uwagę badacz przywiązuje do takich ideologemów w ocenie Rosji przez rosyjskich poetów, jak jej „niepoznawalność” i wybranie przez Boga, Rosja jako ojczyzna (z jej ambiwalentną oceną), Rosja i Zachód, Rosja i Władza, Rosja i Przyszłość, Rosja w oczekiwaniu na zmiany.

Valerij M. Mokienko

THE IMAGE OF RUSSIA IN THE RUSSIAN POETRY

Summary

The article presents an analysis of the connotative potential of the perceptions of Russia, reflected in modern Russian poetry. Here are partly reflected stereotyped perceptions, patriotic or pseudo-patriotic views, but at the same time also some of the connotations particular mainly for poetic speech. Special attention is paid to such ideologemes in the assessment of Russia by poets as “unknowableness” and predestination, Russia as the native land (with its ambivalent assessment), Russia and the West, Russia and the Power, and the Future of Russia, Russia in anticipation of change.